

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Сергей П. Поцелуев

ЮФУ Ростов-на-Дону

Политический парадIALOG. Часть I*

Paradialog polityczny. Część I

Нет ничего смешнее горя

(С. Беккет, *Эндишпиль*)

Желание разобраться в феномене *политического парадIALOGA* возникло у меня давно, под впечатлением от краткой, но емкой статьи В. Базылева и Ю. Сорокина о постсоветском «новоязе»¹. Но под руку все не попадался материал, который можно было бы заставить говорить для целей рассмотрения. Счастливым случаем оказался один из выпусков телепередачи В. Соловьева «К барьеру!» (эфир НТВ от 02.02.2006), в котором сошлись в словесной дуэли два персонажа российской политической сцены – В. Жириновский (далее Ж) и А. Проханов (далее П). Поводом для их «теледуэли» (по жанру передачи В. Соловьева) стала поддержка Ж резолюции парламентской ассамблеи Совета Европы, осудившей преступления коммунистических режимов. Видимо, Ж-П «диалог» заслуживает внимания ряда дисциплин. Знакомство с интернетовскими откликами на телепередачу укрепило меня в этом убеждении².

* Tekst pierwotnie w całości drukowany w Piśmie „Полис” 2007, № 1, s. 33–61. Druk w „ΣΟΦΙΑ” za zgodą redakcji Pisma „Полис”. Część druga artykułu opublikowana będzie w numerze 11 Pisma „ΣΟΦΙΑ”.

¹ В. Базылев, Ю. Сорокин. О нашем новоязе. От чужих слов мы становимся агрессивнее // Независимая газета, 25.09.1998. с. 8.

² Интернет-дискуссию об этой передаче, а также полный текст выступлений ее участников можно найти в сети по адресу: <http://semen-serpent.livejournal.com/295788.html>

«Теледуэль» Ж-П – типичный случай того, что можно назвать *политическим парадialogом*. Но меня не интересует политическая судьба г-д Ж и П, а также стоящих за ними политических сил. В этом отношении мой анализ не является собственно политологическим. Скорее, он есть попытка определить некоторые типичные свойства политического парадialogа в двух отношениях: общей теории политического языка; актуальных тенденций политической коммуникации в современной России.

Парадиалог: первичные дефиниции

Диалог естественно определять по оппозиции с монологом. Возьмем стандартное определение: «Диалог – это текст, создаваемый двумя партнерами коммуникации, один из которых (адресант) задает конкретную программу развития текста, его интенцию, а другой (адресат) должен активно участвовать в развитии этой программы, не имея возможности выйти за ее пределы. Монолог – это текст, который хотя и инициируется, явным или неявным образом, партнером по коммуникации, но развивается по программе своего создателя без участия или, по крайней мере, без активного участия партнера коммуникации»³. Как видим, все сводится к тому, рассчитывает или нет «адресант» на адекватную теме разговора реакцию партнера по общению. Если речь – не монолог, она оказывается диалогом, и наоборот. Но реальная коммуникация более дифференцирована, чем формальные дефиниции. К примеру, обмены репликами, их грамматически корректные сцепления в разговоре не позволяют относить его к монологу по формальным критериям. Но если реплики семантически и логически бессмысленны, можно ли общение назвать диалогом, не вступая в противоречие с приведенной дефиницией? В этом случае необходимо говорить не о диалоге, а парадialogе.

Сам термин «парадиалог» (наряду с другим вариантом: «квази-диалог») предлагают В. Базылев и Ю. Сорокин, называя пара- и антидиалогической речь любого политика. Парадиалог – это речевая ситуация, когда «политика спрашивают об одном (или он сам имитирует возможные вопросы), а он отвечает о другом. Он живет в ситуации постоянной подмены речи»⁴.

Для прояснения вопроса обратимся к исходному смыслу слова «диалог», возраст которого намного солиднее «монолога»⁵. Греческое слово *διάλογος*

³ Е.Н. Ширяев. Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность. М. 2001. с. 274.

⁴ В. Базылев, Ю. Сорокин. О нашем новоязе.... Там же.

⁵ Так, ни в «Греческо-русском словаре» А.Д. Вейсмана, ни в «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого нет соответствующего «монологу» древнегреческого или латинского термина.

означает разговор, диалог, а греческая приставка *διά-* выражает взаимность и соревновательность действия⁶. Приставка *διά-* имеет и созначение «разделения» (например, в слове *διαίρεω* (разбирать)).

В отличие от стандартного (осмысленного) диалога, в *парадиалоге* сохраняется соревновательность и взаимность действия, но исчезают смысловые разделения, тематические границы становятся диффузными. Соревновательность и взаимность лишаются позитивного смысла, превращаются в видимость, становятся пародией на самих себя. Поэтому мы неслучайно выбираем слово *пара-диалог* (с греческой приставкой *παρά-*) для обозначении такого рода общения. Приставка *παρά-* означает: возле, при; мимо; направление к чему-то; отступление от цели или истины. Имеется в виду не просто отступление от истины, а ее выворачивание, оборачивание, переименование. Сравните греч.: *παρωδός* – не просто поющий, а «поющий наизнанку», т.е. пародирующий; *παράδοξος* – не просто отрицание обычного мнения, а нечто странное, неожиданное, противоречащее привычному взгляду; *παραλογισμός* – не просто отрицание умозаключения, а его ложный вид, вводящий в заблуждение и т.д. Все эти значения «играют» и в семантике термина *парадиалог* – такой разновидности дискурса, где внешняя и шумная схожесть с диалогом сопровождается переименованием его смыслового содержания, отступлением от его сущности. Парадиалог – это вывернутый наизнанку диалог.

Греческое *διάλογος* вошло потом в латынь с аналогичными значениями (*dialogus*). Значение греческого термина *διάλογος* перекликается со смыслами латинского *disputatio* (расчет, рассмотрение; научное изыскание, ученый труд, рассуждение, исследование; обсуждение), но обнаруживает интересное смысловое отличие от латинского *discursus*. Этот термин, ставший сегодня одним из ключевых при описании коммуникативных процессов, приобрел смысл «беседы, разговора» только в поздней латыни. Тем любопытнее его более ранние значения: бегание (метание) туда и сюда, в разные стороны; (воен.) маневр; набег; круговорот; непрерывное мелькание, барахтанье; бестолковая бегодня, суета; разрастание, разветвление. По всей видимости, *discursus* первоначально есть нечто противоположное *dialogus*, а не «тексту», как мы это сегодня себе представляем. Возможно, «дискурс» возникает как отражение культурных изменений, которые происходят в позднем греко-римском мире в период его «постмодерна». Неслучайно именно слово *discursus* с его значениями «бестолковая бегодня, суета, мелькание» стали метафорой этого нового состояния общения, лишённого как раз тех свойств, которые были характерны для *dialogus* и *disputatio*.

⁶ Здесь и далее значения древнегреческих терминов приводятся по «Греческо-русскому словарю» А.Д. Вейсмана (см. репринт 5-го издания 1899 г.: М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991), а значения латинских терминов - по «Латинско-русскому словарю» И.Х. Дворецкого (3-е изд. М.: Рус. яз., 1986).

В свете сказанного можно определить парадialog как дискурсивную пародию на диалог, или как симуляцию диалога в дискурсе.

Характер парадialogа – инверсия тех принципов диалогического мышления, о которых писал М.М. Бахтин: «Чужие сознания, – нельзя созерцать (...) как вещи, – с ними можно только диалогически общаться»⁷. Напротив, парадialog представляет собой такое общение с чужими сознаниями, которое систематически поносит их как лишенные всякого достоинства объекты. Но только от этого «чужие сознания» не «замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы», а отвечают таким же словесным поносом. И это взаимное объективирование и овеществление собеседников приносит их сознаниям забаву и удовольствие, – как и зрителям, которые все это созерцают. Бахтин находит в романах Достоевского «диалогическое общение с полноправными чужими сознаниями и активное диалогическое проникновение в незавершимые глубины человека». Как страшно далека поэтика Достоевского в интерпретации Бахтина от современных коммуникативных реалий! Такие слова даже произносить неловко, когда имеешь дело с «диалогом» Ж-П, хотя они – тоже литераторы, мастера слова и даже «инженеры человеческих душ». Однако с этими героями мы оказываемся в совершенно ином коммуникативном царстве, в каком-то кэрролловском «Зазеркалье», с абсолютно новой языковой флорой и фауной.

В парадialogе Ж-П реплики не выступают двумя «равно и прямо направленными на предмет» высказываниями, которые «в пределах одного контекста не могут оказаться рядом, не скрестившись диалогически»⁸. Скорее, диалогические высказывания ведут себя подобно делезовским «смыслам» с их «великолепной стерильностью или нейтральностью»⁹. Напомним, что смысл высказывания Делез связывает с «парадоксом чистого становления» или «парадоксом умопомешательства» как парадоксом «бесконечного тождества обоих смыслов сразу – будущего и прошлого, дня до и дня после, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта»¹⁰. Здесь смысл событий – всегда двойной смысл, исключаящий трактовку положения вещей с точки зрения здравого рассудка. Почему? – Потому что события понимаются как некоторый эффект, присущий языку, и бессмысленно спрашивать, в чем смысл события: «событие и есть смысл как таковой. Событие по самой сути принадлежит языку»¹¹. По Делезу, такие события-эффекты не существуют вне выражающих их предло-

⁷ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: «Советская Россия», 1979. с. 80.

⁸ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики..., с. 219.

⁹ Ж. Делез. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия». 1995. с. 53.

¹⁰ Там же, с. 14.

¹¹ Там же, с. 38.

жений, а между собой они находятся в отношениях не реальной (логически необходимой) причинности, а причинности нереальной, призрачной. Эта квазипричинность проявляется во взаимообратимости причинного отношения, когда для мысли все равно, «кошки едят мошек» или «мошки едят кошек», он украл или у него украли, он убил или его убили. У Делеза получается, что высказывания о событиях-эффектах осмыслены даже тогда, когда они формулирует логический абсурд.

У Бахтина мы читаем: «Два равновесных слова на одну и ту же тему, если они только сошлись, неизбежно должны взаимоориентироваться. Два воплощенных смысла не могут лежать рядом друг с другом, как две вещи, — они должны внутренне соприкоснуться, то есть вступить в смысловую связь»¹². Напротив, делезовские смыслы с их «замечательной стерильностью» не испытывают никакой потребности на кого-то «сориентироваться», с кем-то «вступить в связь» и «внутренне соприкоснуться». Смыслы Делеза как бы «асексуальны» по отношению к другим смыслам, у них нет смыслового «пола», полярности, их вообще не интересует «их иное». Главным героем Бахтина является «двуголосое слово, неизбежно рождающееся в условиях диалогического общения». Тогда как фигурант Делеза — «система отголосков, повторений и резонансов»¹³ нейтральных смыслов. Эти смыслы не находятся ни в диалоге, ни в монологе. Мы говорим: они находятся в парадialogе как в потоке делезовского «чистого становления», «дискурса», который для неискушенного обыденного сознания почти не отличим от бреда¹⁴.

Политический парадialog — это прежде всего пародия на «сократический диалог». В основе последнего Бахтин видит представление о диалогической природе истины: «истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения»¹⁵. Более того, «человеческая мысль становится подлинною мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с чужою мыслью, воплощенной в чужом голосе». Именно «в точке этого контакта голосов-сознаний и рождается и живет идея»¹⁶. Парадialog полностью инвертирует такое диалоговое понимание истины. «Истина», которая рождается и живет в парадialogе — есть, опять-таки, делезовский «эффект», эффект смысловой, но в *равной мере* и визуально-

¹² М.М. Бахтин. Проблемы поэтики..., с. 219.

¹³ Ж. Делез. Логика смысла..., с. 205.

¹⁴ Кстати, этот момент В. Базылев и Ю. Сорокин отмечают особо. Они пишут о политике как человеке «с измененным (смещенным) состоянием сознания», речь которого, будучи «вербальной реакцией на постоянный стресс», представляет собой «форсированный звуковой поток», главной функцией которого является не убеждение, а подавление собеседника. Там же.

¹⁵ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики..., с. 126.

¹⁶ Там же, с. 100.

шумовой. Он мимолетен, живет только во время эфира, лишен всякой субстанциальности и причинности, в отличие от бахтинских «идей» и «мыслей», рождаемых (с творческой мукой) в диалоге.

Для характеристики политического парадialogа небезынтересно, что героями сократического диалога выступают именно идеологи, а «самое событие, которое совершается в ‘сократическом диалоге’ (или, точнее, воспроизводится в нем), является чисто идеологическим событием искания и испытания истины»¹⁷. Бахтин отмечает, что идеологический монолизм эпохи Просвещения – продукт европейского рационализма – стал закономерным отрицанием сократического диалога (его вырождение он фиксирует уже у позднего Платона). Современный политический парадialog есть тоже отрицание сократического диалога, но отрицание, свойственное всем пост-модернистским эпохам: отрицание в форме пародии и симуляции.

Политический парадialog отрицает идеологичность сократического диалога уже тем, что в нем нет идеи как «живого события, разыгрывающегося в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний»; идеи, которая «хочет быть услышанной, понятой и «ответченной» другими голосами с других позиций»¹⁸. Здесь даже нет того нововременного монолизма «идеологического творчества», который у Бахтина образует диалектическую противоположность диалогическому принципу. В классической идеологии дух нации, народа и пр. выражает одно и единое сознание. А в парадialogе оно обнаруживает явные признаки шизофрении: рождает массу парадоксов и абсурдов, его постоянно «несет» в какой-то безумной скачке идей. Одним словом, парадialog – это не идеологический субститут диалогичной по своей природе идеи, но абсурдистское шоу идеологических уродцев.

Речь участников парадialogа представляет собой вербализацию их автокоммуникативного потока сознания. Взаимодействуют не «точки зрения», «концепции», «идеологии» и т.п., но просто совмещаются в пространстве и времени (как в коллаже, клипе) два потока мышления и речи. Это противоречит принципу успешности стандартного диалогового общения. Эффективное (продуктивное) общение подразумевает, что «говорить в данный момент всегда может только один из присутствующих. Если начинают говорить сразу несколько человек и упрямо продолжают свои речи дальше, то, по крайней мере, понятность и координированность их реплик от этого страдает, быстро приближаясь к нулю (...). Несколько тем могут рассматриваться только поочередно. Участники разговора должны ограничивать свои реплики актуальной в данный момент темой, или они должны добиться изменения темы. Это может приводить к тихой борьбе за власть, к борьбе за центр сцены и за внимание других. Уже на самом изначальном уровне

¹⁷ Там же, с. 127.

¹⁸ Там же.

элементарного общения лицом к лицу *нет социальных систем с равнозначными шансами*¹⁹.

Для анализа парадиалога уточню приведенное положение Н. Лумана. В обычном разговоре борьба за коммуникативную власть ведется в контексте предметного спора по поводу реальных проблем (а потому борьба оканчивается «тихой», незаметной). В парадиалоге она выходит на первый план и подчиняет себе предметную логику спора. Борьба довлеет, превращая диалог в разновидность коммуникативно-властного «искусства для искусства», а предметную логику рассматриваемых тем – в набор бессмыслиц.

В парадиалоге часто нарушается то, что Луман рассматривает как условие успешности диалогового общения – очередность реплик «в тему». Напротив, участники парадиалога нередко говорят одновременно, оставаясь к тому же на своей тематической волне. Поэтому записывать реплики такого диалога приходится в параллельные столбцы, а не в линейной очередности, как в обычном диалоге. Меняется и декодирование парадиалога внешним наблюдателем: оно уже не может осуществляться линейно, как в книжном дискурсе, но также цельно-пространственным способом, как в случае визуального дискурса. Наблюдатель парадиалога (на свой страх и риск) может в лучшем случае дать осмысленную интерпретацию отдельным фрагментам дискурса: репликам участников, микросюжетам разговора. Или даже сделать вывод, что один из них был успешнее (убедительнее, симпатичнее, артистичнее – все эти оценки по содержанию примерно одинаковы), чем другой. Но коммуникативная успешность понимается здесь в квази-эстетическом смысле. Наблюдатель не может ни подключиться к такому «диалогу» (ибо нет смысловой нити, за которую можно ухватиться), ни однозначно объявить себя на стороне одного из участников «спора». Диалог приобщает наблюдающего «третьего» к дискурсу, к роли собеседника. Парадиалог конструирует «третьего» в роли внешнего наблюдателя, публики, зрителя шоу.

Парадоксы и абсурды парадиалога

1. Логические абсурды парадиалога

Однажды он начал объяснять глуповцам права человека; но, к счастью, кончил тем, что объяснил права Бурбонов. В другой раз он начал с того, что убеждал обывателей уверовать в богиню Разума, и кончил тем, что просил признать непогрешимость папы. Все это были, однако ж, одни *façons de parler*; и в сущности виконт готов был стать на сторону какого угодно убеж-

¹⁹ N. Luhmann. Interaktion, Organisation, Gesellschaft // N. Luhmann. Soziologische Aufklärung – II. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft. Westdeutscher Verlag: Opladen 1975. с. 10–11.

дения или догмата, если имел в виду, что за это ему перепадет лишний четвертак.

(М.Е. Салтыков-Щедрин, *История одного города*)

Классические представления о диалоге исходят из наличия у его участников позиции. Она может меняться в ходе диалога, вплоть до противоположной. Но даже радикальное изменение мыслится как последовательный логический процесс, в ходе которого у участников возникают «прозрения», открытия; они могут осознать аспекты собственной позиции, которые до этого оставались для них неясными. Речь идет об осмысленном (и для других людей), логически понятном (интересном, поучительном) переходе из одного логического состояния в другое. В парадиалоге это полностью исчезает, заменяясь бессвязной совокупностью суждений в рамках автономных микросюжетов. Эти сюжеты лишь формально, в силу ассоциативной «логики» говорящего, объединены общей (объявленной) темой. При этом внутри отдельных сюжетов и суждений обнаруживается склонность к «любимой связи антиномий».

Возьмем начало диалога. Ж излагает обвинение в адрес субъекта по имени «ВЫ», с которым идентифицирует оппонента П. Он приписывает ему предикаты, которые в реальности не только не объединяются, но выступают сторонами политических антиномий, враждующих партий, идеологических противников: ВЫ разрушали капитализм (отбирали фабрики у фабрикантов); ВЫ сдали коммунистический режим, объявив его преступным; ВЫ начали перестройку; ВЫ провели «идиотские реформы, вернув страну в дикий капитализм»; ВЫ это сейчас защищаете. Аналогичным образом, ВЫ выступает у Ж как субъект настолько разных внешнеполитических действий, что это сводит ВЫ к абсурду: ВЫ отдали Польшу, Финляндию; ВЫ развязали вторую мировую войну; ВЫ создали генерала Власова, которого до сих пор считаете предателем; ВЫ уничтожили два миллиона советских солдат; Вы создали Советский Союз, который сам рухнул; ВЫ пришли в Афганистан; ВЫ начали войну в Чечне; ВЫ сто лет нас всех обманываете. Наконец, ВЫ предстает у Ж ускользающей в дурную бесконечность прогрессией самоотрицаний, абсурдным, саморазрушающимся феноменом: «Я родился в 46-ом году, когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности ВЫ его уничтожили. ВЫ Дзержинского уничтожили. ВЫ уничтожили Менжинского, Ягоду, Ежова, Берию. ВЫ сами себя уничтожаете». Жириновский и свою позицию представляет как своеобразную пародию на *reductio ad absurdum*: «И то, что касается поддерживать режимы, я бы выступал за царя. И сегодня скажу, сто раз за царя, а ВЫ царя убили. Я бы при Сталине выступал бы за Сталина, но ВЫ и его выкинули из Мавзолея, ВЫ. Я поддерживал Брежнева».

Одним словом, описываемых Ж. «ВЫ» никогда не существовало и не могло существовать. Это ВЫ – чисто вербальный и логически абсурдный

конструкт вроде «круглого квадрата», «жареного льда» и пр. Это то, что Делез вслед за Мейнонгом и Гуссерлем называл «идеальным событием», мыслимым только в невозможном мире, но в реальном мире не существующим. Но эти авторы четко отличали абсурд от полной бессмыслицы, абракадабры, нонсенса. Смысл различия как раз хорошо виден в парадигмалоге. «Парадокс абсурда» (Делез) выражен здесь в виде коммуникативной осмысленности предложений, обозначающих несовместимые объекты (предикаты). Могут заметить, что делезовская «логика смысла» – слишком изысканный и абстрактный инструмент для характеристики парадигмалога Ж-П. Однако фактический мир общественной коммуникации не так далек от кэрролловского «зазеркалья», как кажется на первый взгляд.

С чисто логической точки зрения конструкция ВЫ абсурдно-противоречива, но она имеет четкий коммуникативный смысл. Идентифицируя П с ВЫ как собранием всех отрицательных сторон российской истории, Ж добивается эффекта деградации оппонента в споре. Вся абсурдность сказанного Ж отходит на задний план, получая коммуникативно-метафорический смысл; это кажется лишь развернутой версией выражения вроде «ВЫ – чудовище». Некоторые формально-общие моменты в объединяемых предикатах еще больше усиливают эту коммуникативную легальность абсурдного собрания предикатов: к примеру, многие ключевые представители ВЫ и в самом деле некогда были «верными ленинцами», а потом успешно строили «дикий капитализм».

К аналогичной абсурдной конструкции ВЫ прибегает и П. Однако ВЫ, с которым он идентифицирует Ж, выглядит еще более фантастическим и нелепым: «Вы – Геббельс, господин Жириновский. Вам нужно вернуться в свою штаб-квартиру, потому что на пороге Вашей штаб-квартиры – советские танки (...) МЫ вошли в Берлин, а ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии. (...) Почему ВЫ фашисты? (...) А советские солдаты придут и воткнут штык в ВАШУ могилу!». Идентификация Ж с «ВЫ» осуществляется у П по методу мифического оборотничества, а не посредством логического отнесения к классу (пусть и с абсурдным набором свойств). «ВЫ-Жириновский» непосредственно обращается в «ВЫ-Геббельс» и в «ВЫ-фашисты». Если абсурдность ВЫ у Ж есть результат прежде всего игнорирования политической (исторической) логики происходящего, то у П зачастую полностью игнорируется реальное пространство и время: ВЫ-Жириновский в образе Геббельса оказывается в Берлине 1945 года, а (уже несуществующие) «советские солдаты» воткнут штык в его (еще не существующую) могилу. Все это можно рассматривать как всего лишь метафоры; но они подаются как аргументы в споре, а поэтому суть, скорее, мифо-метафоры – вымышленные образы, которые не комментируют и не маркируют свою фиктивность.

Аналогичный прием применяет Ж во вступительной «обвинительной речи»: «ВЫ же ночью пришли, с оружием в руках, подготовленные в Герма-

нии, в Америке, в кожанках и в маузерах». В предикации ВЫ объединяются прямо противоположные субъекты: «подготовленные в Германии коммунисты образца 1917 года» и «подготовленные в Америке антикоммунисты образца 1991 года». Тем самым логически нелепая фраза полностью игнорирует реальное историческое пространство-время и подражает мифу. Слушателю она внушает один смысл: ВЫ – дьявольская, чуждая, чужестранная сила, представленная в разных ипостасях в разные исторические эпохи российской истории.

Если семантически оценивать текст Ж, то он скрывает абсурдное сочетание взаимоисключающих положений. Так, Ж., с одной стороны, выражает сожаление, что ВЫ «отдали Польшу, Финляндию», что МЫ «не стоим с 18-го года, как французы и британцы, на территории Германии». С другой стороны, он обвиняет ВЫ в насильственном («на штыках Красной армии») объединении «народов Закавказья, Прибалтики, Украины» в Советский Союз. Или возьмем такой пассаж: «Собрали страну на штыках Красной армии. Этого хотели народы Закавказья, Прибалтики, Украины? У них спросите! Чего же они разбежались в 91-ом году? Как только перестала существовать Красная армия – все моментально от нас разбежались. Сегодня воруют наш газ. Где наша Красная армия?!». В этом пассаже Ж грубо объединяет две взаимоисключающих позиции: либеральную и имперскую. Но этот очевидный логический абсурд имеет ясный коммуникативный смысл. Ж важно сохранить у части публики впечатление, что он – русский империалист, а не прозападный либерал; что он именно досоветский, царский империалист, а коммунисты – империалисты-неудачники; что свой старорусский империализм он не может высказать откровенно, а только намекает на него. Одновременно Ж отправляет противоположные по смыслу послания-намеки: что его империализм – только карикатура на империализм, а на самом деле он – против русского империализма и всяческого колониализма, и вообще «настоящий Жириновский» – это стопроцентный европейский либерал. Основная коммуникативная тактика Ж – посылать одновременно и равно убедительно (для этого и нужен талант артиста повседневности) взаимоисключающие послания. С моральной точки зрения такая тактика сомнительна, зато позволяет ловить в коммуникативную сеть часть политической публики.

Участники парадialogа употребляют еще один специфический вид абсурдных предложений, которые Дж.Остин предпочитал называть «недействительными»²⁰. Речь идет об утверждениях, которые соотносятся с несуществующими явлениями, однако не являются внутренне противоре-

²⁰ См. речь идет у Остина об утверждениях типа «Нынешний король Франции лыс» или «Все дети Джона лысые». См.: Дж. Л. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: «Прогресс», 1986. с. 36, 55.

чивыми. К примеру, у Ж: «Коммунист Ющенко ворует наш газ»; «Этот главный бандит лежит на Красной площади». Проханов – Жириновскому: «ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии»; «На пороге Вашей штаб-квартиры стоят советские танки» и т.п. Абсурдность этих предложений вызвана выпадением семантических пресуппозиций. «Коммунист Ющенко» не может воровать газ, потому что не является коммунистом; на пороге штаб-квартиры Ж не могут стоять советские танки, потому что у Ж. нет подразумеваемой штаб-квартиры и т.д. Абсурдность указанных выражений не вполне снимается контекстом диалога. Они не декодируются однозначно – ни участниками диалога, ни слушателями, – как метафоры, пусть даже и рискованные. Причина – в том, что сам парадигмалог не может предоставить связного смыслового (повествовательного) контекста для метафорической утилизации абсурдных выражений. Эти выражения зависят в своей абсурдности, приобретая форму мифических и/или бредовых конструкций.

2. Квази-конъюнктивный синтез в парадигмалоге

Б л у м: (...) Свободные финансы, свободная рента, свободная любовь и свободная гражданская церковь в свободном гражданском государстве!

О' М э д д е н Б е р к. Свободная лиса в свободном курятнике!

(Дж. Джойс, *Улисс*)

И.П. Смирнов рассматривает квазиконъюнкцию как способ отрицания И-отношения – отрицание в форме его симуляции. Другими видами негации И-отношения выступают у него неконъюнктивное отрицание (когда конъюнкция вообще уничтожается) и антиконъюнктивное (когда она подменяется своей противоположностью). В русской литературе XIV–XV вв. Квазиконъюнкция состояла «(...) в создании *псевдообъединений*, сопрягающих элементы в пары без достаточного на то основания. В конъюнкцию втягивались величины, заведомо не совместимые, разнокачественные, противоречащие друг другу. Если неконъюнктивный и антиконъюнктивный методы смыслопорождения негируют – каждый на свой лад – и форму, и содержание конъюнктивности, то псевдообъединения сохраняют ее форму, но делают это в приложении к таким явлениям, которые по их признаковому содержанию никак нельзя согласовать между собой. Реципиент приглашается в этом случае к тому, чтобы самостоятельно расшифровать за внешней конъюнктивностью внутреннюю несопоставимость явлений»²¹.

Нечто аналогичное происходит в парадигмалоге. Но есть и специфика данной «любовной связи антиномий»: связь в квазиконъюнкции не носит

²¹ И.П. Смирнов. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 28. 1991. с. 109.

«интимного» характера, как в бреде или мифе; это – симулятивная, фиктивная парность. Из трех функций квазиконъюнктивной псевдообъединительной процедуры востребованы прежде всего первые две: 1) Выхолащивание натуральной (жизненно необходимой) конъюнктивной сущности явления (ситуации), ее замена чисто формальным объединением сторон. Сюда же относится снятие *вынужденной* конъюнктивности, ее представление как чего-то неискреннего, поверхностного, формального. Объективная сопричастность сторон явления друг другу дополняется их взаимной отторгнутостью. 2) Квази-конъюнктивная операция применяется при изображении «ложного мировосприятия, подозревающего И-отношения там, где их нет»²².

Герои нашего парадialogа используют квазиконъюнктивное отрицание И-отношения при изображении отношения к советскому прошлому. Каждый из них тесно связан с «коммунистической» и «антикоммунистической» Россией: оба социализировались и делали карьеру в рамках советских реалий; но оба остались «при деле» и в России постсоветской. Теперь им нужна некая дистанция к советскому прошлому. Поэтому они стремятся выхолостить натуральность указанного отношения. Прежде всего, это характеризует позицию Ж: в парадialogе он выступает в роли антикоммуниста. П как раз указывает на абсурдность претензии оппонента выступать в роли обвинителя явления, к которому он сам был по существу «обязан своей карьерой, своей партией»: «Вы родились из сюртука Владимира Александровича Крючкова. Вы были по существу, говоря языком литературным, агентом красным». В ответе Ж просматривается стремление придать натуральному И-отношению статус формального, случайного, неестественного и вынужденного: «Причем здесь Комитет защиты мира? Это – обычное учреждение, где принимаются на работу. (...) А причем здесь КГБ? – Да, весь организм Советского Союза был проникнут КГБ. Так это ВЫ сделали (...)».

П надо формализовать свое И-отношение к советскому прошлому при ответе на обвинение в противоречивости его идейной позиции. «Секундант» Н. Васецкий задает вопрос П.: «Скажите, пожалуйста, (...) вот как в Вас уживается вот эта (...) противоречивость? Вы по сердцу, по характеру, (...) русский человек, но в сознании, в мозгах у Вас этот марксистский коммунизм, который, в общем-то, Вами осуждается, причем осуждается очень конкретно. Вот как все это стыкуется, откровенно говоря, я не могу понять». В ответ П тоже строит квази-конъюнкцию: «Дело в том, что к марксизму и коммунистической партии я никогда не имел отношения. (...) Но я – советский человек, и в моем представлении советская страна – это огромный исторически материк, (...) где были страшные репрессии, но была великая победа».

²² Там же, с. 111.

Сходным образом, «секундант» В.Алкснис упрекает Ж в противоречивости его позиции по отношению к коммунистическому режиму: «Когда Вы были искренним, 19 августа 1991 года, когда с балкона гостиницы Москва вы приветствовали войска ГКЧП, входившие в Москву, которые в принципе отводились для сохранения советской империи, или сегодня, когда Вы говорите, что вы против этого?». Ж отвечает квази-конъюнктивной конструкцией, сопрягая в фиктивные пары элементы, заведомо *якобы* не совместимые и разнокачественные: коммунистов и армию; коммунистов и КГБ; коммунистов и народ; коммунистов и Ж.Ж: «Полковник Алкснис, прекратите путать русский народ и коммунистов! (...) И 19 августа я приветствовал армию, которая хотела сохранить мою страну, а не коммунистов. И знаете – почему она проиграла? – Потому что КГБ не захотело поддержать вас, коммунистов».

Во втором случае каждый участник парадиалога стремится дискредитировать в качестве ложного отнесение его оппонентом самого себя к какой-то системе ценностей или классу явлений. Если один участник спора подчеркивает при этом наличие естественных И-отношений между собой и этой системой (классом), то его оппонент, напротив, изображает эти отношения как квази-конъюнкцию, как псевдо-объединение того, что нельзя объединить по природе. Так, П стремится представить самоотнесение Ж к демократической системе ценностей как чистое приспособление отнюдь не демократического по своим убеждениям человека, т.е. как фиктивную парность: «Вы, господин Жириновский, наконец-то сбросили свою маску. Под этой маской я видел лицо очаровательного культуртрегера еврейской организации „Шалом” (...). Потом я видел Вас работником Комитета солидарности стран Азии и Африки, это кагэбэшная структура, (...). Потом Вас создали еще при советском строе (...). Затем Вы стали тем, кем Вы сейчас являетесь». Аналогичный прием использует и Ж в адрес П. Он стремится показать квази-конъюнктивный характер отношения П к коммунизму и, напротив, натуральность его И-отношения к капиталистической системе: «Вы же сегодня имеете свою газету, чего Вы не работаете клерком в «Российской газете»? Вы же частник, Вы – капиталист! (...) А сами защищаете тех, кто Вам не смел даже слово сказать при советской власти!».

Из упомянутых выше форм квази-конъюнкции первая применяется П и Ж при разных самоописаниях (своего прошлого и настоящего, идейно-политической позиции). Вторая используется при описании оппонента – его прошлой жизни, современной позиции, его личностных качеств и т.д. Возможно, эта функциональная дихотомия релевантна не только для рассматриваемого случая, но воспроизводится в любом политическом парадиалоге.

3. Парадоксы парадialogа

– Дорогой, а хорошо ли тебе было в тюрьме? – спросил Вылизаяц. Шлепочник еще раз обернулся, и большая слеза покатилась по его щеке. Но он не сказал ни слова.

(Л. Кэрролл, *Зазеркалье*)

Парадиалог связан с парадоксами по существу, а не только общей греческой приставкой. Удачное определение парадокса дал Ж. Делез: «Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно»²³. В каком смысле и виде представлены парадоксы в парадialogе?

В теледуэли Ж-П парадоксальность прежде всего представлена парадоксами типа парадокса лжеца и порождается речевым оборотничеством «класса «МЫ» в класс «ВЫ», и обратно. Так, Ж постоянно характеризует некий класс объектов (=субъектов) по имени «ВЫ» как «лжецы». Потом обнаруживается, что и сам он неявно относит себя к этому классу через высказывания, которые, именно такое отнесение предполагают в качестве своих presupпозиций. Все отождествляющие себя с советским государством – лжецы, – внушает своим слушателям Ж. (слова *ложь, лжете, лжецы* – одни из наиболее употребительные в его репликах), и тут же идентифицирует себя с советским государством. Так, «ВЫ» обвиняются в том, что они насильно собрали при помощи Красной Армии советскую империю. И тут же Ж говорит: «Сегодня Киев ворует наш газ. Где *наша* (а не *ваша!*) Красная армия?». Превращение ВЫ в МЫ происходит и тогда, когда Ж говорит об Абакумове «прекрасный министр госбезопасности» – т.е. как будто он – часть класса «МЫ», хотя по умолчанию, по определению – он часть класса «ВЫ».

Но Ж не просто продуцирует логические парадоксы. Он – мастер *парадоксальной коммуникации*: создает для контрагента невыносимую коммуникативную ситуацию, строя вопросы по принципу языковых парадоксов:

Ж.: В Афганистан, зачем ВЫ пришли? В Афганистан ... Зачем ВЫ пришли? Зачем? (*хохот в студии*).

П.: Зачем я *сюда* пришел? Я пришел защищать Советский Союз!

Здесь части вопроса Ж относятся к разным уровням языка: «пришли в Афганистан» – объектному языку, а конструкция «ВЫ» – к метаязыку. Это аналогично предложению «Шел дождь и два китайца» или «Владимир Жириновский – известный политик и вкусная водка».

Еще один род парадоксов парадialogа связан с игровым статусом его дискурса. Как показал Г.Бейтсон, игра есть парадоксальное действие. Она принадлежит классу обычных действий, и в то же время стоит над ним, пос-

²³ Ж. Делез. Логика смысла..., с. 13.

кольку снабжена метакоммуникативным указанием на то, что речь в данном случае идет не о настоящем (реальном, серьезном) действии, но о действии условном, о «как бы» действии, о «действии понарошку». В нашем случае формальная коммуникативная рамка диалога-дуэли (кто больше наберет голосов телезрителей?) предполагает игру по правилам, т.е. игру в смысле *game*, а не игру в смысле *play*. Реально же участники диалога постоянно соскальзывают в парадоксальное пространство *play*-игры.

Срыв в игровое пространство, на другой уровень абстракции, совершает прежде всего Ж. Он – коммуникативный лидер в диалоге с П. Он совершает проломы и расколы дискурса, экспериментирует с его семантическими рамками (уровнями абстракции), а не только с его содержанием, с выбором тем, с парадоксами их содержания. Более того, коммуникативный лидер прибегает к коммуникативным санкциям, когда другие участники общения стремятся также экспериментировать с его рамками. В этом случае лидер саботирует переход на другой уровень абстракции или разоблачает эту попытку как сумасшествие, аномалию, нечестность, требуя возвращения к «правилам игры». Именно так ведет себя Ж в диалоге с П.

Ж говорит: «А сегодня народ безмолвствует» и указывает рукой на сидящих в студии людей. Этим жестом он как бы проговаривает: а теперь мы поиграем в игру. Пусть эти люди в зале будут народ. Далее Ж заявляет: «А если я выкормыш Крючкова – он еще жив – давайте спросим. (*Кричит, как будто Крючков сидит рядом в зале*). Владимир Александрович! (*переходит на командный тон*) Генерал Армии Крючков! Скажите, чей я выкормыш?!». Тем самым игровая ситуация окончательно закрепляется. Примечательно, что П., вместо того, чтобы вернуть рамки дискурса в привычное и серьезное русло, сразу же «ведется» за Ж. и подхватывает игровое направление.

П.: (*по-детски кривляясь*): «Отвечает Крючков: ‘Мой, мой выкормыш!’», – кричит генерал КГБ (...).

Со стороны не сразу понятно, желает ли П. довести эту стратегию до абсурда и тем самым разоблачить ее, или же просто переиграть Ж. в рамках самой игры. П., как видно из дальнейшего разговора, выбирает вторую стратегию, для себя заранее проигрывает.

Коммуникативное лидерство Ж. выражается также в несравненно более частом, чем у П, использовании речевого акта вопрошания. Своими абсурдными вопросами Ж. ставит оппонента в неловкое положение, похожее на известную ситуацию *double bind*: на эти вопросы невозможно корректно ответить в силу их парадоксальности; но молчание в ситуации вопрошания еще хуже, чем любой вербальный ответ.

П.: Вы никогда не были на танке! Вы всегда были на койке, либо с бабой, либо с каким-либо персонажем странным, либо за стойкой бара, когда мы воевали!

Ж.: Вы, Вы были на танке? Где этот танк? Где этот танк?!

П.: *(в смущении кивает рукой на свой барьер)*: Вот этот танк! Я попрежнему стою на этом танке! *(хохот в студии)*.

В этом фрагменте диалога Ж создает для П парадоксальную ситуацию: придает вопросу «Где этот танк?» одновременно буквальный и метафорический смысл. П не может ответить на вопрос «нет этого танка» и тем самым согласиться с тем, что он говорит неправду. С другой стороны, чем больше и подробнее П доказывал бы истинность своего утверждения (что он стоял на каком-то танке), тем больше он подтверждал бы коммуникативное превосходство Ж, перед которым надо в чем-то отчитываться, подобно ребенку перед взрослым или обвиняемому перед судьей. Более удачным и остроумным был бы ответ П, ломающий это коммуникативное обрамление и выходящий на новый уровень абстракции. К примеру: «А кто Вы такой, чтобы я перед вами отчитывался?» или (по аналогии с героем известного кинофильма): «Моя биография слишком известна, чтобы ее тут рассказывать!». Но П защищается как шизофреник или ребенок: придает метафорическому смыслу оттенок буквального, вызывая у публики колоссальный комический эффект.

Наличие третьего лица (ведущего, модератора, рефери и т.п.) не является непременным условием парадигматической коммуникации, но если таковой имеется, его статус парадоксален. В теледуэли Ж-П это хорошо видно по роли и поведению ведущего В.Соловьева. Он здесь, скорее, вождь, чем просто ведущий; он – «мистер Парадокс». Обычно роль модератора не выходит за рамки дискурса, который он модерирует. Соловьев же время от времени прорывает дискурсивную рамку и дает метакомментарий. Уже в самом начале он с грубой иронией замечает по поводу тирады П: «Неважно, какой смысл. Но слог-то какой!». Это – не просто выражение мнения по поводу сказанного П.; это – оценка его дискурса в целом со стороны субъекта, ставящего себя вне этого дискурса, но продолжающего в нем пребывать. В этом – парадоксальность роли ведущего Соловьева. Но тем самым он беседует с участниками теледуэли с позиции коммуникативной силы; в ходе теледуэли они не столько его гости, сколько «подданные».

Вообще, роль ведущего Соловьева парадоксальна уже своей многоликостью. То он – олицетворение уравновешенной Мудрости и Нормальности, опытный врач-психиатр, знающий, как повести себя как с тихо-, так и с буйно помешанными:

Ж.: Ну что вы лжете, лжете! (...) большевички стали в офицеров стрелять! ВЫ уничтожили армию! (...). ВЕДУЩИЙ: Успокойтесь, пока проиграли вы в ПАСЕ, (...), успокойтесь. Все хорошо.

А вот В.Соловьев в роли опытного мастера, организующего злобежку псов или схватку боевых петухов:

ВЕДУЩИЙ: Господин Проханов, вы обещали укокошить Жириновского, пока что не получается...

Появляется перед нами и Соловьев-Мефистофель, почти с дьявольской иронией отпускающий метакоммуникативные замечания относительно своих «человеческих кукол» и разбавляющий их бред байками из истории тщеты человеческой. Публике дается понять: политика есть дурь и дичь, чушь и гиль, и эта теледуэль – тоже дурь, и вообще все есть «суета сует».

Но парадоксален не только коммуникативный статус ведущего в диалоге Ж-П. Здесь также парадоксальны сами рамочные условия. Они носят игровой характер, ибо теледуэль строится как определенный жанр развлекательной передачи. Но, с другой стороны, в ней участвуют не мастера эстрады и не «люди с улицы», а профессиональные политики и вообще солидные люди с общественно релевантным статусом. Обсуждаемые темы тоже крайне серьезны, даже драматичны для страны. Таким образом несерьезность игры парадоксально сочетается с серьезностью ее тематического содержания, что и рождает парадоксальное восприятие происходящего: сознание зрителя постоянно пребывает в раздвоенном состоянии: оно вынуждено воспринимать все несущееся с «голубого экрана» серьезно и несерьезно, как реальность и фикцию одновременно.

Парадоксально, сверх того, сочетание самих правил игрового действия: понятие дуэли предполагает защиту чести и достоинства в поединке со строго определенным ритуалом. В нем меньше всего места оскорблениям, брани и пр. (в реальной жизни все это бывало причиной дуэли, а не ее содержанием); у Соловьева же дуэлянты начинают выяснять отношения на уровне коммунальных кухонь, опускаясь до откровенной брани и площадных оскорблений. В теледуэли Ж-П даже «секундант» С. Шаргунов (писатель) не удержался и обозвал Ж. «бесом». Для «секунданта» поведение тоже весьма парадоксальное. Далее, еще один парадокс, на который зритель даже не сразу обращает внимание: с одной стороны, подразумевается именно дуэль, а с другой – здесь почему-то сидят «судьи». Но если зритель подумает, что имеются в виду судьи в смысле спортивных состязаний, то опять возникает неясность: а зачем тогда секунданты? А те тоже ведут себя странно: то ли как свидетели, то ли как сообщники. Одним словом – сплошной парадокс, как в увлекательном сновидении. И он крайне усиливает театрально-игровой эффект, впечатление фиктивности, ирреальности происходящего. Картинки, которые получает зритель на выходе, порой завораживают своей нелепостью, в любом случае, развлекают, но они мало просвещают относительно реального положения дел в стране. И этим передача Соловьева маркирует собой целую эпоху; она, безусловно, станет знаковой для оценки русского общественного телевидения эпохи 2000-ых годов.

4. Прагматические бессмыслицы парадialogа

– Какая разница между пуганой вороной и письменным столом? (...) Ты отгадала загадку?

– Нет, сдаюсь, – сказала Алиса. – А какой ответ?

– Понятия не имею, – сказал Шляпа.

– А я тем более, – поддержал Заяц. Алиса тяжело вздохнула.

(Л. Кэрролл, *Приключения Алисы в стране чудес*)

Парадиалог дает типичные примеры и сознательно культивирует прагматические бессмыслицы.

Это прежде всего относится к выпадению «вещественных предпосылок коммуникации»²⁴. Первейшая из них – присутствие в разговоре того, к кому обращаются с речью. Но даже это элементарное условие не всегда в парадialogе выполняется. Так, Ж. обращается к воображаемому лицу как к реально присутствующему: «Генерал армии Крючков! Скажите, чей я выкормыш?!». Одновременно Ж. нарушает условие искренности и существенности диалога: ему неважно мнение Крюčkова, свой вопрос он вообще не рассматривает как попытку получить какую-то информацию от «генерала Крюčkова».

К нарушению вещественных условий коммуникации относится также его бессвязность, за которой стоит логическая противоречивость (абсурдность) высказываний оппонентов. Часто это напрямую связано с тем, что называют «патологически плохой памятью» участников диалога:

П.: (*слегка дурашливым тоном*): При нашем первом свидании я вылил на него вишневый сок, а он скопировал меня и полил Немцова почему-то ... Это – жалкое эпигонство.

Ж.: (*недоуменно пожмает плечами*): Я не помню такого.

П.: А Вы посмотрите – у Вас еще рубашка в соку! ... Мы никогда не дружили. Это – вечное сражение!

Ж.: Наоборот! На Ваше славное шестидесятилетие Вы меня пригласили – я Вас поздравлял ...

Бессвязность диалога часто объясняется несоответствием моделей мира его участников. Видимо, это имеет место во всяком парадialogе. Даже если его участники предварительно не имеют взаимоисключающих картин мира, они конструируют их по ходу разговора. В своей теледуэли Ж и П также обнаруживают взаимоисключающие трактовки советской истории. Для Ж советский строй – «страшный, преступный режим»; для П – славное прошлое

²⁴ См.: Е.В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Выпуск 18-ый. М.: АН СССР. Всесоюзный Институт научной и технической информации, 1982. с. 86.

красной империи. Однако это несоответствие мировоззрений никогда не выступает в парадигмалогическом чем-то серьезным, ибо за ним не стоит никаких реальных идейных различий, конфликтов. Взаимоисключение картин мира является здесь чисто языковым эффектом, поэтому оно постоянно подвергается ревизии, пародии, инверсии. Так, имперский идеал кажется близким и Ж, и у слушателя временами создается ощущение, что собеседники могли бы вокруг этого найти общий язык. Но это – только видимость, ибо традиционно русская «имперскость» без всяких опосредствований дополняется у Ж либерально-демократическими лозунгами. Так, Ж не соглашается с тем, что либерал-демократы «рассыпали империю в 1917 году». «Не хотели люди жить вместе – зачем насильно их сжимать?». Но до этого он же упрекает большевиков за то, что они отдали имперские территории (Польшу, Финляндию), что из-за них Россия не смогла выиграть первую мировую войну и «стоять вместе с французами и британцами на немецких территориях». Абсурдная противоречивость модели мира у Ж. фатально задает ее несоответствие с моделью мира П. Дискурс Ж вообще не рассчитан на какую-то одну модель мира; он сориентирован сразу на все модели и ни на какую модель вполне.

Как замечает Е.В. Падучева, имеется множество бессвязных диалогов, которые допускают двойное истолкование – «либо как нарушение последовательности речевых актов (за данным не последовал тот, который предполагался), либо как нарушение постулата релевантности; при первой интерпретации требуемой реплики собеседника не было; при второй – реплика была, но нерелевантная»²⁵. Пример такой абсурдности дает уже начало теледуэли Ж и П. Ведущий В. Соловьев приглашает Ж задать вопрос, а тот излагает обвинение, как бы зачитывает исторический приговор «русскому коммунизму», представленному в лице П. При этом ведущий делает вид, что не заметил подмены, и после тирады Ж говорит без видимой иронии: «Вопрос понятен» и приглашает к ответу П. Тот, тоже ничуть не смущаясь, зачитывает свой приговор всем «предателям коммунизма», представленным в лице Жириновского.

Особенно частой формой нарушения последовательности речевых актов в парадигмалогическом выступает ситуация, когда ожидаемый иллокутивный акт²⁶ заменяется не просто нерелевантным по пропозициональному содержанию речевым актом, но содержанием, вообще не относящимся к теме (смыслу) вопроса. Происходит это потому, что собеседник остается на своей тематичес-

²⁵ Там же, с. 99–100.

²⁶ Под иллокутивным актом здесь, как и вообще в лингвистике, понимается коммуникативный аспект речи, т.е. все то в ней, что необходимо для передачи ее смыслового (пропозиционального) содержания другому человеку. Соответственно, различают иллокутивные акты вопрошания, побуждения, обвинения и др.

кой волне. На реплики собеседника он вообще не реагирует или реагирует на уровне тематической эхоталии, подхватывая какие-то элементы сюжета, отдельные слова, выражения, но оставаясь на своей волне. Пример из теледуэли Ж-П.:

Ж.: ... Он на все готов! Дай ему сейчас 5 миллионов парней, он их погонит в Иран, в Ирак ...

П.: Я просто ... помню времена ...

Ж.: В Афганистан, зачем ВЫ пришли? ... Зачем ВЫ

Пришли в Афганистан? Зачем? (*хохот в студии*)

П.: Зачем я сюда пришел? Я пришел защищать Советский Союз!

Ж.: Вот хорошо, что Вы здесь...

П.: Благодаря таким, как Вы, мы откатились

Ж.: Это Ваш суд. Ваш, Проханов, Московский трибунал.

П.: ... Мы откатились от великих границ ...

Ж.: 13 тысяч застреленных солдат ...

П.: ... мы сжались до МКД ...

Ж.: ...полмиллиона искалеченных солдат ...

П.: ... Мы превратили нашу Москву в маразм. В центре – маразм. Вы, Вы – царь маразма! Боже мой!

Ж.: Чечня! Чечня!

П.: Я был на всех войнах!

Ж.: В Чечне ...

П.: Я был на двух чеченских войнах...

Ж.: И ВЫ ее начали!

П.: А Вы прятались под кроватью! ...

Ж.: Зачем ВЫ начали войну в Чечне?! (*хохот в студии*)

В другом случае партнер парадialogа *реагирует* на реплику собеседника (необязательно на вопрос), но *сознательно* неадекватно: резкой сменой (невыгодной ему) темы. В приведенном выше фрагменте к этому прибегает Ж., неожиданно обращаясь к теме «Чечня». Или в этом эпизоде:

Ж.: Пол Пота в Камбодже будете защищать?! Это тоже было нормально?!

П.: А Садама Хусейна Вы будете защищать? А Иран – будете защищать?!

Ж.: (...) А за что мы должны защищать Ирак? (...) Может, еще Киев защищать?

Прагматические бессмыслицы порождаются в парадialogе и нарушением предварительных условий речевых актов. Возьмем вопрошание как наиболее частое для любого диалога речевое действие. Чтобы это действие было коммуникативно осмысленным (успешным), должно выполняться предварительное условие: вопрошающий не знает ответа и пытается полу-

чить его от слушающего, ибо уверен, что тот может этот ответ знать. Это, казалось бы, банальное условие отнюдь не является самоочевидным для абсурдной коммуникации, каковой является и парадialog. Вопросы типа «Зачем ВЫ пришли в Афганистан?», «Зачем ВЫ начали войну в Чечне?» (Ж) или «Сколько стоит Ваше предательство?» (П) нарушают как раз это предварительное условие вопрошания: Ж. уже заранее знает «ответы» на такие «вопросы»; но его оппонент таких ответов не знает и знать не может в виду некорректности (логической абсурдности и/или прагматической парадоксальности) самих вопросов. Далее, эти вопросы нарушают условие искренности: Ж на самом деле не хочет получить от П какую-то информацию (в строгом смысле этого слова). По сути дела, вопросы Ж – это вообще не вопросы, а чистые провокации, призванные произвести определенный сценический эффект.

Так же обстоит дело в парадialogе и с актами «обязательств». Ж говорит П.: «Сейчас Вам уже за 70. Скоро Вы умрете. И я буду хоронить Вас. Я оплачу все поминки». Собственно акт обязательства «Я оплачу все поминки» нарушает условия своей эффективности и выступает метафорой (перформативным эвфемизмом) другого акта: крайне негативного пожелания «Чтоб ты сдох!» (по ходу разговора Ж даже употребляет это слово в адрес своего оппонента). Для эффективности акта обязательства здесь отсутствует предварительное условие (Ж не может быть уверен, что переживет П), условие искренности (Ж на самом деле не желает П смерти и не собирается оплачивать его поминки), а также и другие условия. Сам акт негативного пожелания со стороны Ж не является искренним, ибо по ходу диалога озвучивается дружеский статус их отношений и т.д. Все эти акты эффективны только в сценическом смысле, как достижение коммуникативного превосходства над противником.

Нарушение акта референции тоже ломает условия успешности речевых актов. В этом случае объект, о котором идет речь, вообще не может быть идентифицирован, идентифицируется неоднозначно (противоречиво) или при однозначной идентификации имеет неудачную номинацию. Обычно неидентифицируемость предмета связана с его фиктивностью. Слушающий может выйти на метакоммуникативный уровень и отказаться от идентификации, указывая на фиктивность предмета разговора. Но может использовать и другие стратегии, если метакоммуникативное указание противоречит правилам игры (например, слушающий может сам использовать в разговоре фиктивные объекты). Тогда участник диалога может проигнорировать речевой акт говорящего (сделать вид, что он его не услышал), подменить его объект другим объектом (метафорическим или реальным), провалив тем самым коммуникативный акт. В парадialogе особенно часто реализуется вторая возможность, если его участники широко используют фиктивные объек-

ты и не заинтересованы в обсуждении их логического и онтологического статуса.

Ярким примером такого рода может послужить следующий эпизод из теледуэли Ж-П:

П.: я видел Вас работником *Комитета солидарности стран Азии и Африки*. Это – кагэбэшная структура, которая занималась пропагандой в странах третьего мира...

Ж.: (...) Причем здесь *Комитет защиты мира*? Это – обычное учреждение, где принимаются на работу (...). А при чем здесь КГБ? Да, весь организм Советского Союза был проникнут КГБ. Так это ВЫ сделали. Я родился в 46-ом году, когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности ... ВЫ его уничтожили».

Здесь П совершил своеобразную контаминацию обозначений, когда приписывает Ж работу в «Советском комитете солидарности стран Азии и Африки»²⁷. Любопытно, что Ж никак это не прокомментировал, хотя автоматически внес в дискурс корректную номинацию объекта. Ж мог бы использовать неудачность номинации у П,отреагировать на саму номинацию и тем самым уйти от прямого ответа на вопрос-обвинение П. Поступив иначе, Ж фактически подтвердил, что хорошо понимает подразумеваемое П, но саботирует коммуникацию, отвечая на нее формулировкой абсурда: Комитет защиты мира не имеет отношения к КГБ, но ... Комитет защиты мира имеет отношение к КГБ (поскольку все советское общество было проникнуто КГБ).

Аналогичная ситуация разыгрывается, когда Ж. надо ответить на неудобный для него и двусмысленный вопрос В. Алксниса:

АЛКСНИС: (...) И вот я хотел вас спросить, неужели Вам не было противно в том зале в Страсбурге голосовать так, как голосовал Ландсбергис, Добелис и другие русофобы и враги России, и как вот ВЫ могли оказаться в одной лодке вместе с ними?

Ж.: Коммунист Алкснис! До сих пор ВЫ боитесь Европы! Вот этого новая Россия больше не хочет. (...) ВЫ, понимаете, с 18 года нас отгородили, и уже 2006 год, а ВЫ все ждете ... «Европа – идиоты, только мы одни хорошие». Вот собрались – кучка недобитых коммунистов, только ВЫ хорошие. Китайцы ненавидят ВАС (...), у них уже в китайский цвет окрашен Дальний Восток наш. Это ВАШИ коммунисты.

²⁷ Фактически Жириновский не работал в Комитете солидарности стран Азии и Африки, он окончил Институт Восточных языков при МГУ, который, правда, с 1972 года стал называться Институтом стран Азии и Африки. С другой стороны, Жириновский в 1972–1975 годах работал референтом Советского комитета защиты мира, который тесно сотрудничал с однопрофильной организацией «Советский комитет солидарности стран Азии и Африки». Обе организации находились под опекой советских спецслужб.

АЛКСНИС: Благодаря ВАШИМ предательствам.

Ж.: Нет, коммунистов нигде нет, это – националисты в Китае.

ВЕДУЩИЙ: Это не тот вопрос, который задал господин Алкснис.

Ж.: Это тот самый вопрос.

ВЕДУЩИЙ: Нет, господин Алкснис задал вопрос о предательстве интересов России.

Ж.: Так вот он правильно понимает интересы России, я никогда не был за советскую Россию или за коммунистическую. Я с детского сада с ними боролся, с детского сада. Меня в 53 году исключили.

П.: Вы делали «пи-пи».

Ж и в данном случае формулирует совершенно неадекватный ответ. Он грубо подменяет тему вопроса (предательство интересов России) серией других сюжетов, с нею непосредственно не связанных («железный занавес», «китайская угроза»). А при указании на эту бессвязность со стороны Ведущего продолжает настаивать на своем вопреки здравой логике. Ощущение паранойи еще больше усиливается фантастическим рассказом Ж о своей борьбе с коммунизмом в шестилетнем возрасте. Все это производит совершенно фантазмагорическую картину, на фоне которой явные логические абсурды («китайцы – Ваши же коммунисты», хотя ... «китайцы – не коммунисты, а националисты»; «коммунистов нет нигде», хотя ... «коммунизм еще жив»; «я с детского сада боролся с коммунизмом», хотя ... «при Сталине я выступал бы за Сталина») воспринимаются как милые несуразности.

К нарушениям акта референции как типичным для парадигмалога прагматическим бессмыслицам относятся и ситуации, когда слушающий понимает, какой объект подразумевается говорящим, но отказывается признавать корректность его названия. В этом случае он саботирует (проваливает) коммуникацию, реагируя своей репликой не на речевой акт говорящего, а на относящиеся к нему номинации. Так именно реагирует Ж на обвинение во лжи со стороны одного из «секундантов», писателя С. Шаргунова.

ШАРГУНОВ: ... Господин Владимир Вольфович, может быть, напомнить вашу книгу „Последний бросок на Юг“? Напомнить вам, как вы, то призываете всех евреев выселить на необитаемый остров, то призываете вырезать всех арабов, то призываете расстреливать демонстрации протеста русских пенсионеров. Может быть вам пора, Владимир Вольфович, ответить перед судом за ваши злодейские, кровавые призывы? Ответьте!

Ж.: Отвечаю.

ШАРГУНОВ: Перед судом.

Ж.: Видите, не только Проханов лжет, но и привел с собой команду лжецов, о чем вы говорите здесь, Шаргунов, писатель, кто читал ваши книги?

ШАРГУНОВ: Все читали. А кто Вы такой?

Как видим, Ж. проваливает здесь коммуникативный акт, реагируя своей репликой не на суть вопроса Шаргунова, а на его номинацию как субъекта (как *писателя* Шаргунова).

Рассмотренные случаи прагматической абсурдности парадialogа не исчерпывают темы, однако хорошо показывают главное: абсурдность делает невозможной передачу предметного содержания речи.

5. Парадиалог как коммуникативный нонсенс

– Хотите еще сухарик?

– Нет, благодарю, – ответила Алиса. – Одного совершенно достаточно.

– Надеюсь, вы утолили жажду? – сказала Королева.

Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева ответа и не ждала...

(Л. Кэрролл, *Зазеркалье*)

Когда выпадают какие-либо пресуппозиции коммуникативного акта, он может быть семантически абсурдным, но не является абракадаброй с прагматической точки зрения. Проиллюстрируем это (чтобы на миг отвлечься от героев теледуэли) эпизодом из пьесы С. Беккета «В ожидании Годо»:

ПОЦЦО (резко). Кто такой Годо?

ЭСТРАГОН. Годо?

ПОЦЦО. Вы меня приняли за какого-то Годо.

ВЛАДИМИР. Что вы, мсье, как вам такое в голову могло прийти, мсье...

ПОЦЦО. Кто он?

ВЛАДИМИР. Да так, ... один знакомый.

ЭСТРАГОН. Ничего подобного! Мы его совсем почти не знаем.

ВЛАДИМИР. Ну, в общем, да, конечно, близко мы не знакомы, но ... тем не менее ...

Как видим, высказывания участников этого разговора противоречивы и даже абсурдны, но эта абсурдность является коммуникативно осмысленной (страх Владимира и Эстрагона перед Поццо). Участники диалога все же реализуют принцип кооперации как желание достичь взаимопонимания, однако выпадение тех или иных пресуппозиций делает это взаимопонимание не совсем коммуникативно удачным (аномальным, курьезным, странным и т.п.), но не совершенно бессмысленным.

Напротив, парадialog дает образцы коммуникативных нонсенса или абракадабры. Здесь нет сущностного взаимопонимания, ибо оно вообще не преследуется участниками разговора. Даже если взаимопонимание стало трагическим пониманием взаимного непонимания – это хотя и абсурдная, но все же осмысленная коммуникация. Парадиалог же строит эрзац коммуникации, ее симуляцию. Абсурд – это драма и крах каких-то смысловых интенций. Нонсенс – это свободная игра форм, в нем нет серьезной, драматичес-

кой ангажированности эмоций. Правда, в нем есть *удовольствие от бессмыслицы* – забавное, смешное, в чем-то даже злое поведение. Оно аналогично детско-отроческим удовольствиям от созерцания и причинения бессмысленных разрушений, издевательств, ерничанья, глумления и прочее.

Парадиалог как коммуникативный нонсенс нарушает правила коммуникации (постулаты Грайса): требования информативности, истинности, релевантности, ясности изложения своих мыслей участниками коммуникации²⁸. К этим постулатам можно добавить еще один – «постулат порядочности»: Будь справедлив по отношению к собеседнику, не старайся его обидеть, не переходи на личности, употребляй аргументы *ad rem*, а не *ad hominem*. Отсутствие этого постулата у Грайса не случайно: его максимы имеют отношение, скорее, к ценностной картине мира, чем к языковой картине реальной коммуникации. Т.Н. Николаева справедливо указала на иллюзорность оптимистической предпосылки теории коммуникативных неудач: все участники коммуникации идут навстречу друг другу в соответствии с «принципом кооперации», т.е. имеют общей целью уяснение позиции друг друга и достижение взаимопонимания. На деле (и это особенно хорошо видно в политической коммуникации) люди стремятся в общении навязать собеседнику свое мнение, используя всевозможные средства манипуляции.

В действительности, язык не только не сопротивляется систематическому нарушению принципа кооперации, но даже предоставляет для этого специальные возможности. В статье Н.Д. Арутюновой о языковых аномалиях²⁹ показано, что языковая картина мира (лексическая семантика) не совпадает с выраженной в языке ценностно-нормативной картиной. Другими словами, язык охотнее фиксирует в своей семантике аномалию, нежели норму. Более того: с нашей ценностной нормой язык обращается как с чем-то экстремальным, т.е. ано(р)мальным. Сама позитивная ценность (добродетели реализма, уравновешенности, взвешенности, аргументированности, терпимости) имеет слабый выход в семантику речи. С учетом этого момента тем более уместно при анализе реальной (прежде всего, политической) коммуникации говорить не столько о принципе кооперации, сколько о принципе некооперации – «коммуникативного саботажа»³⁰. Тем более уместно говорить о коммуникативном саботаже в случае парадиалога. Проиллюстрируем это на примерах нарушения постулатов Грайса в теледьюэли Ж-П.

²⁸ См. об этом: Е.В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла..., с. 83–84.

²⁹ Н.Д. Арутюнова. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987, № 3. см. в особенности, с. 11–13.

³⁰ Т.М. Николаева. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. (Ин-т языкознания; Отв. редактор Н.Д. Арутюнова). М.: Наука, 1990. с. 225–226.

Постулат информативности гласит: высказывания участников диалога не должны содержать лишней, не относящейся к делу информации. Тема «теледзуэли»: резолюция парламентской ассамблеи Совета Европы, осуждающая преступления коммунистических режимов. Можно было бы ожидать, по крайней мере, от П (критика этой резолюции) аргументированной речи, сообщений по существу. Но с чего начинается П? С метафоры про дохлого советского кита. Она не содержит информации о подлинных мотивах поведения Ж., зато внушает образ оппонента как «недочеловека», гада ползучего. Типичный пример подмены аргументов *ad rem* аргументами *ad hominem*. Открывающий диалог Ж (и в известной мере задающий его тон) делает то же самое: мифический образ «пришедших ночью» кровожадных комиссаров «в кожанках и маузерах, подготовленных в Германии, в Америке» дополняется бредообразной логической нелепицей об их «страшных преступлениях» за сто лет. Информации по существу – ноль, зато налицо сознательное желание задеть и оскорбить собеседника.

Постулат истинности требует – участники коммуникации должны говорить правду, не высказывать необоснованных, тем более, ложных суждений. К Ж этот постулат применим только с обратным знаком, поскольку он часто в одной фразе формулирует сразу несколько логических абсурдов. Не лучше обстоит дело и с дискурсом П. Его слабость к метафорическим образам и мифическим сюжетам также несовместима с постулатом истинности, который вообще-то применим, скорее, для академического обмена мнениями.

Парадиалог также систематически нарушает постулат релевантности: говори то, что в данный момент относится к делу. Как далек этот принцип от дискурса Ж-П, хорошо показывает этот фрагмент их парадиалога:

Ж.: Совет Европы, не упоминая ни разу слово „Россия”, не упоминая никакой „войны”, осудил преступление, совершенное при любых коммунистических тоталитарных режимах, имея в виду и Китай, и Кубу, и Пол Пота ... Может быть, Пол Пота в Камбодже будете защищать? Это тоже было правильно?

П.: А Саддама Хусейна вы будете защищать? А Иран вы будете защищать?

Ж.: Нет!

П.: Вот вы и предатель!

Ж.: Нет!

П.: Вы – предатель стратегический, вы предаете всех, к кому прикасаетесь!

Ж.: Нет! А за что мы должны защищать Ирак?

П.: На вас Каинова печать!

Ж.: За что Ирак защищать?!

П.: Вы – Иуда.

Ж.: ... Взял наши танки, ракеты на 9 миллиардов долларов, теперь ничего не отдает. Ничего.

П.: Защищайте благодетелей своих!

Ж.: Может, еще Киев защищать? Киев тоже защищать?!

П.: Киев надо брать так, как его брала первая конная армия.

Ж.: Вот рядом Киев. Коммунист Ющенко ворует наш газ. Вы не можете спасти свой газ, причем здесь Гитлер?

ВЕДУЩИЙ: Владимир Вольфович, вам только что предложили пойти войной на Украину...

Этот пример очень хорошо показывает прагматическую абсурдность самого общения в парадialogе, где «со-беседники» таковыми вообще не являются. Для каждого из них «некто другой» выступает в роли спорадического стимула для саморазвертывания автокоммуникативного по сути дискурса. Это напоминает разговор с воображаемыми собеседниками во сне или в бреду. Правда, в отличие от последних, политический парадialog имеет дело с реальным противником, которого нужно подавить («замочить») речевыми средствами. В парадialogе мы видим не просто злоупотребление аргументами *ad hominem*, стремление унижить, оскорбить собеседника, реализуемое лексическими средствами непрямо́й передачи смысла; налицо огульные обвинения, грубая брань и взаимные оскорбления будто солидных людей. Так, П не затрудняет себя объяснениями, а говорит визави: «Вы – Геббельс!», «Вы живете на дотации врагов России», «Вы – Иуда!», «Вы – предатель стратегический». Ж тоже в долгу не остается: «Вы – лжец!», «ВЫ – сумасшедший!», «ВЫ – террорист-одиночка!», «ВЫ – кучка недобитых коммунистов!», «ВЫ – мерзавцы и негодяи, будьте ВЫ прокляты, мерзавцы!».

Но – какой милый парадокс: все эти страшные оскорбления ничего страшного не вызывают. Публика хохочет. Ж оскорбляет, а П не оскорбляется; П пугает, Ж не страшно. Все это очень похоже на любой фиктивный дискурс. Это – мир нонсенса, с которым сталкивается кэрролловская Алиса в «стране чудес». Но только у Кэрролла речь идет о сказке о маленькой девочке, а у нас – о взрослых дядях с политическим статусом, общающихся наяву и на глазах миллионов телезрителей. А это рождает подозрение: не является ли разыгрываемая перед зрителем «страна чудес» на самом деле «страной дураков» из совсем другой сказки?

[znaków 67 671]

Artykuł dotyczy analizy zjawiska paradialogu politycznego stanowiącego postmodernistyczną parodię dialogu klasycznego, spójnej i merytorycznej debaty na tematy polityczne. Wychodząc z podejścia M. Bachtina i G. Deleuze'a, autor sięga po materiały telewizyjnego talk show z udziałem dwojga rosyjskich polityków – Żyrinowskiego oraz Prochanowa, w celu szczegółowego zbadania absur-

dów semantycznych oraz pragmatycznych, a także paradoksów komunikacji paradiologicznej, jej aspektów infantylnych gier jako specyficznych wskaźników myślenia autorytarnego.

The paper considers the phenomenon of a political paradiologue as a post-modernist parody on a classic dialogue, on a coherent and substantive debate on political issues. Building on the approaches of M. Bahtin and G. Deleuze, the author draws stuff of television talk show with two Russian politicians – Zhirinovski and Prokhanov, in order to consider in detail the semantic and pragmatic absurds, and the paradoxes of paradiologic communication as well as its infantile game aspects as specific markers of authoritarian thinking.